

II. РЕКОНСТРУКЦИЯ АРХАИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Т. А. Агапкина

О НЕКОТОРЫХ МАГИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЯХ В МАСЛЕНИЧНОЙ ОБРЯДНОСТИ СЛАВЯН

Одним из наиболее интересных аспектов комплексного изучения народного искусства является вопрос о ритуальных и символических функциях пения, танцев, хороводного движения и т. д. Постепенно собираются материалы, свидетельствующие о том, что у славянских народов эти формы народного искусства имеют разнообразные связи с ритуально-магической практикой и верованиями. В нашей заметке речь пойдет об определенных масленичных ритуалах (в том числе танцах и хороводах), направленных на обеспечение ускоренного роста ряда культурных растений: повсеместно — льна и конопли, а в некоторых местах также и хлопка, овса, картофеля, корнеплодов, мака и др. В основе этих действий лежат различные виды организованного движения: танец, катание в санях или с гор, качание на качелях, а также хоровод или обрядовая процессия.

Наиболее известны масленичные танцы, распространенные на всем западе славянского этноязыкового континуума: у лужичан, поляков, западных украинцев, чехов, словаков, мораван, а также хорватов и словенцев. В Польше эти танцы исполнялись главным образом женщинами (хозяйками, старухами, старыми девами), иногда — женатыми мужчинами. Танцевали обычно в доме, на улице, а чаще всего — в корчме под различные мелодии: польку, чардаш, коломыйки и т. п.¹ Это гуляние называлось *tańcować, hulać na konopie*.² Танцы на коноплю, овес и т. п. часто закреплялись за разными группами исполнителей: так, на овес и пшеницу танцевали почти всегда мужчины, на лен и коноплю — женщины;³ в этом отношении могли различаться между собой и отдельные дни масленичной недели: например, в Кошалинском воеводстве в воскресенье танцевали на хлеб, в понедельник — на картофель, во вторник — на лен.⁴

У чехов, словаков и мораван аналогичные танцы также исполнялись ради урожая льна, конопли (*na dlouhý len, na konopí*) или, например, «*aby belo hodně jablůšek a bel vyseké voves*».⁵ Чехам и мораванам — в отличие от других славян — были известны даже специальные танцы *konopická* и *konopice*,⁶ исполнявшиеся именно на масленицу, а также обычай танцевать в одежде из конопли или вокруг специально приготовленного снопика конопли.⁷ Кроме танцев, у западных славян практиковались также прыжки на пол с лавок, столов или печей, перепрыгивание колоды, подскоки к потолку и

подобные действия,⁸ ср. польск. *skakać na konopie do góry*,⁹ чеш. *skákáne na hrubé dyně*.¹⁰

У чехов и словаков танцы нередко являлись частью обхода ряженных на масленицу, а у хорватов и особенно словенцев вне этих обходов фактически не исполнялись. В Хорватии и Словении ряженные — муж с женой, кум с кумой, жених с невестой и т. п. — танцевали в доме или во дворе одни или вместе с хозяевами ради урожая корнеплодов, главным образом репы (*da bu repa debela*)¹¹.

Повсеместно у славян были известны многочисленные рекомендации, касающиеся отдельных моментов масленичных танцев и гуляний, например требование обязательного участия в них хозяек. Кроме того, во время танцев на лен и коноплю необходимо было высоко поднимать ноги или подпрыгивать, чтобы посевы были высокими; при этом у чехов запрещалось сильно топтать ногами, чтобы не полегла конопля.¹² В Польше особое значение придавали интенсивности масленичного веселья: гулять, танцевать, веселиться и пить надо было до изнеможения. Считалось, что именно это обеспечит в будущем обильные урожаи. Так, на Подгалье в этом случае говорили: «...rośmy tońcyś coby pom len róś... Trza tończyć weselo, fest...»¹³ У словенцев во время танцев рекомендовалось различными способами имитировать размеры, толщину и крепость репы: широко расставлять ноги, делать большие шаги, вертеться вокруг себя, описывать палкой в воздухе или на земле большие круги, топтать ногами и т. п.¹⁴ Естественнo поэтому, что неурожай тех или иных культур нередко связывался с нарушением соответствующих рекомендаций. Так, у поляков неурожай конопли объясняли тем, что «*gospodyni w zapusty nie hulała lub kiepsko hulała*»,¹⁵ у словенцев тем, что хозяйка не участвовала в танцах, ряженные почему-либо обошли дом или же хозяева плохо отблагодарили их за танец.¹⁶

Танцы могли сопровождаться короткими припевками типа «*Aby boli veľké konope Chlopcom na gate*»,¹⁷ «*Stara babo, stary chlopce, Hulaj dzisiej na kupopie*»¹⁸ или «*Tu za repu, tu za ljen, tu za masno zelje*»;¹⁹ у ховатов и словенцев ряженные адресовали хозяевам соответствующие благопожелания, ср.: «*Da Bog dâ da bi vam tako velika repa narasla*».²⁰

Катание с гор или в снях как магическое действие было широко известно на Русском Севере, в центрально-русских областях, а также в Верхнем и Среднем Поволжье.²¹ Кроме того, магические функции иногда придавались ему на юге России,²² у белорусов, а также у западных славян и словенцев.

В России катание с гор или в снях связывалось исключительно со льном: катались главным образом «на долгий лен», полагая, что кто дальше проедет, у того лен будет длиннее (иногда — мягче, лучше и т. п.). Участвовали в катании только женщины: хозяйки, старухи, девушки, лучшие пряжи. Перед масленицей для этого устраивали специальные горы и готовили сани без оглоблей, «лодки», скамьи и т. п. Широко практиковалось также катание на донцах прялок. В Витебской губ., например, считалось, что «женки должны проехать с горы на пряслице: чем длиннее будет такой проезд, тем длиннейший родится лен. Если же она упадет, то лен не будет ею убран».²³ Катание в снях, запряженных лошадьми, прес-

ледовало, как правило, те же цели, ср.: «В масленицу были „каталища“, катались с гор и на лошадях. Первыми запрягали лошадь и садились в дровни бабы. Сколь долго они проедут, столь долго будет лен».²⁴

На Мазурах для обеспечения урожая льна также рекомендовалось на масленицу *jeździć saniami*.²⁵ В ряде районов Словении масленичное катание на лыжах — согласно народным представлениям — должно было обеспечить в будущем богатый урожай гречихи, льна, репы и других культур.²⁶

Ритуальное качание на качелях было известно — в интересующей нас функции — только восточным и южным славянам. В отличие от обрядовых танцев и катаний, оно далеко не столь последовательно закреплялось именно за масленицей и могло быть приурочено также ко дню Сорока мучеников, Благовещенью, Вербному воскресенью, Юрьеву дню и другим праздникам, а также к целым календарным периодам. При этом качание на качелях, привязанных обычно к дереву, для здоровья и благополучия совершалось почти повсеместно. У сербов, македонцев и болгар нередко качались ради урожая конопли.²⁷ В Гевгелийском округе Македонии, например, перед Юрьевым днем молодежь привязывала к зеленому дереву качели, на которых все качались по очереди и пели песни со специальным «качельным» припевом «љуљајеее...»; старики же при этом говорили: «Да са заљуљум, да ми бубакј пуке» 'Покачаюсь, чтобы у меня скорее созрел хлопок'.²⁸

В отдельных восточно- и южнославянских традициях рост культурных растений связывался иногда с движением весеннего хоровода или обрядовой процессии. На Брянщине считалось, например, что движение хоровода на масленицу или во время обряда вождения «сулы» на Пасху или Вознесение должно обеспечить урожай льна, ср. следующее описание: «Сула приходила на другой день Пáсхи; за руки поберутся и *бегут ў сулу*, штоб лен был хорóший. Бра́лися за руки и *бегали ў полотно*, всим селом из конца в ко́нец».²⁹ У словенцев аналогичное значение придавалось процессии, обходящей поля в день апостола Марка (25 апреля по ст. ст.). Во время движения этой процессии надо было окучивать огурцы и сажать фасоль; считалось, что это обеспечит хороший урожай фасоли, а огурцы вырастут такими же длинными, как процессия.³⁰ Во время сербских обходов кралиц на Духов день их участницы, играя около домов хозяев, должны были постоянно двигаться, ибо в противном случае мог замедиться или остановиться рост посевов этой семьи.³¹ У болгар, македонцев и сербов вождение масленичного хоровода (коло, хоро) также достаточно последовательно связывалось с ростом и урожаем конопли.³² Так, в районе Тырново на масленицу молодежь собиралась на ближайших к селу возвышенностях, где исполняла специальные весенние песни, призванные обеспечить «пробуждение» природы, растительности, способствовать всходу посевов и т. п.; после этого там же исполнялось масленичное хоро, во время которого следовало особым образом приседать и подпрыгивать, чтобы хорошо взошел и расцвел хлопок.³³

С подобной же целью — способствовать росту культурных растений — в разных славянских традициях могли совершаться на масленицу и некоторые другие действия, например перепрыгивание

через колоду; пускание зажженных стрел, называемых «оруглицы»,³⁴ и др. Наконец, нельзя не отметить и тот факт, что те же действия — танец, прыжки, катания — могут осмысляться подобным же образом вне зависимости от времени и обстоятельств их исполнения. Так, например, известно, что в Новоград-Волинском у. Волинской губ. замужние женщины, начиная танец, приговаривали про себя: «Chodím, necháj i nasza kapusta zawiążecia lub zowjesia».³⁵ При перепрыгивании через купальский костер девушки в Словакии кричали: «Naše konope sú največší»³⁶ Не менее известны также обычаи подпрыгивать при сажании хлеба в печь, совершать длительные поездки после посева льна и конопли, танцевать во время посадки овощей и т. п.

Можно отметить, таким образом, что при всем разнообразии видов магического движения, о которых выше шла речь, каждая из славянских традиций тяготеет к выбору какой-либо одной его формы. Наибольшей устойчивостью отличаются танцы западных и южных славян, а также катание с гор у русских. Естественно при этом, что все эти действия могут совершаться и сами по себе, вне связи с интересующими нас функциями (как, например, катание с гор или на качелях).

Каждое из названных действий — будь то танец или хоровод, — с одной стороны, формирует весьма своеобразный и на первый взгляд вполне самостоятельный фрагмент масленичной обрядности определенной локальной традиции, а с другой — тяготеет к вхождению в контекст этой традиции, ищет точки соприкосновения с другими ее эпизодами и деталями. Как известно, в обширном кругу славянской масленичной обрядности особое место занимают действия продуцирующего типа, связанные как с аграрным и скотоводческим, так и свадебно-брачным комплексом. Укажем хотя бы на традиционные обрядовые обходы с плугом, символическую пахоту и сев, ритуальные игры с участием зооморфных масок, специфические танцы типа *žabský*, изображающие спаривание лягушек, эротическую куцерскую обрядность, ритуальную критику молодых людей и девушек, не вступивших в брак в прошедшем году, чествование молодоженов и др. Описанные в нашей заметке магические действия самым естественным образом согласуются с этим символическим аспектом масленичной обрядности. Продуцирующая семантика танцев, прыжков и т. п. в обрядах масленицы косвенно подтверждается и тем, например, что в ряде славянских традиций эти действия совершаются также и для того, чтобы обеспечить приплод скота, домашней птицы и т. п.,³⁷ у поляков молодые девушки, не вышедшие еще замуж, волокли по селу колоду, через которую накануне прыгали «на лен и коноплю» замужние женщины.³⁸

Кроме этого, связь рассмотренных здесь магических приемов с масленичным контекстом в той или иной традиции может быть более мотивированной (главным образом, в частности). Как уже отмечалось, у хорватов и словенцев все названные действия совершаются преимущественно ради урожая репы. Это, по-видимому, связано с тем, что в словенской масленице репе вообще отводится большое место. Назовем хотя бы символическую пахоту ряженных, когда они, вспахав борозду в снегу, сеют семена репы и желают

хозяйке, чтобы у нее репа выросла, как тыква, а хозяйка, в свою очередь, одаривает их репой. Можно упомянуть также о масленичных гаданиях с семенами репы: девушка насыпает их под постель на ночь, после чего ей должен присниться жених, который возит репу; если гадают парень, то ему приснится девушка, которая вяжет или плетет репу.³⁹

В начале уже упоминалось о том, что изложенные в нашей заметке материалы при определенном взгляде на проблему вполне закономерно включаются в более широкий этнографический контекст, касающийся такой малоисследованной сферы, как прагматика отдельных форм народного искусства. Перспективным поэтому представляется не только дальнейшее изучение функционирования танцев и хороводов, но и таких специфических форм, как, например, обрядовое пение, обладающее ярко выраженной апотропеической и продуцирующей функцией, а также широко используемое в народной медицине, в обрядах хозяйственного цикла и т. п.

¹ Kwaśniewicz K. Zwyczaje i obrzędy doroczne // Etnografia polska. 1984. R. 28/1. S. 175.

² Kolberg O. Dzieła wszystkie. Wrocław-Poznań, 1962. T. 5: Krakowskie. Cz. 1. S. 257, 270.

³ Gustawicz B. Podania, przesady, gadki i nazwy w dziedzinie przyrody. Cz. 2 // ZWAK. 1882. T. 6. S. 238.

⁴ Skłodowska-Antonowicz K. Zwyczaje i obrzędy doroczne w pow. Złotowskim // Lud. 1965. T. 49. S. 411.

⁵ Tomeš J. České a slovenské masopustní obyčaje a jejich mezinárodní obměny // Masopustní tradice. Brno, 1979. S. 38.

⁶ Ibid.

⁷ Václavík A. Vyroční obyčaje a lidové umění. Praha, 1959. S. 86.

⁸ Horehronie. Bratislava, 1974. S. 282.

⁹ Kwaśniewiczová K. Polské lidové masopustní obyčaje // Masopustní tradice. Brno, 1979. S. 121.

¹⁰ Václavík A. Op. cit. S. 75.

¹¹ Rajković Z. Narodni običaji okolice Donje Stubice // Narodna umjetnost. 1973. Knj. 10. S. 195.

¹² Tomeš J. Masopustní, jarní a letní obyčaje na moravském Valašsku. Strážnice, 1972. S. 41.

¹³ Kwaśniewiczová K. Op. cit. S. 120.

¹⁴ Heroldová I. Godišnji običaji Daruvarskih Čeha // Narodna umjetnost. 1971. Knj. 8. S. 226; Kuret N. Praznično leto Slovencev. D. 1. Celje, 1965. S. 34.

¹⁵ Świątek J. Lud Nadraabski. Kraków, 1893. S. 102.

¹⁶ Kuret N. Op. cit. S. 37, 54.

¹⁷ Ondrejka K. Rytmičný pohyb ako zložka zvykoslivia a ľudových slávností // Slovenský národopis. 1969. R. 17/I. S. 101.

¹⁸ Karcmarzewski A. Obrzędy i zwyczaje doroczne wsi Rzeszowskiej. Rzeszów, 1972. S. 49.

¹⁹ Benc-Bošković K. Neki pokladni običaji i drvene maske u Međimurju // Narodna umjetnost. 1962. Knj. 1. S. 83.

²⁰ Bonifačić Rožin N. Folklorno kazalište u Južnom dijelu Hrvatskog Zagorja // Narodna umjetnost. 1973. Knj. 10. S. 234.

²¹ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX — начало XX в. М., 1979. С. 43—44.

²² Ср., напр.: Дикарев М. Народний календар Валуйського повіту (Борисівської волости) у Вороніжчині // МУРЕ. Львів, 1905. Т. 6. С. 163.

²³ Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897. С. 238, № 1873.

²⁴ ИРЛИ, кол. 241, п. 3, № 100.

²⁵ Wisł. 1892. T. 6, z. 3. S. 649; Szyfer A. Zwyczaje, obrzędy i wierzenia Mazurów i Warmiaków. Olsztyn, 1968. S. 49.

²⁶ Kuret N. Op. cit. S. 57.

²⁷ Ср., например: Капанци. София, 1985. С. 225.

²⁸ Тановић С. Српски народни обичаји у хевхелијској Кази // Српски етнографски зборник. 1927. Књ. 40. С. 68—70.

²⁹ ПА-1982, Челхов Климовского р-на Брянской обл., зап. Л. М. Ивлевой.

³⁰ Kuret N. Op. cit. S. 292.

³¹ Zečević S. Elementi naše mitologije u narodnim obredima uz igru. Zenica, 1973. S. 115.

³² Ср., например: Мижатовић С. Обичаји српског народа из Левача и

Темнића // Српски етнографски зборник. 1907. Књ. 7. С. 156; Константинов П. Разни обичаи през годината от Ах-Челебийско // СбНУ. 1896. Т. 13. С. 22.
³³ СбНУ. 1896. Т. 13. С. 246.
³⁴ Маринов Д. Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1914. С. 367 (СбНУ, т. 28).
³⁵ Rokossowska Z. O świecie roś-

linnym // ZWAK. 1889. Т. 13. S. 172.

³⁶ Ondrejka K. Op. cit. S. 105.

³⁷ Kuret N. Op. cit. S. 37, 66.

³⁸ Karczmazewski A. Op. cit. S. 45; Frankowski E. Kalendarz obrzędowy ludu polskiego // Biblioteka regionalna. Warszawa, 1928. Т. 2. S. 35.

³⁹ Kuret N. Op. cit. S. 17, 29.